

И.Ф. ПРОТЧЕНКО. Словари русского языка. Краткий очерк

Язык, культура, жизнь, история – всё находит отражение в словарях. Именно о них рассказывает автор рецензируемой книги (Словари русского языка. Краткий очерк. 2-е изд. М.: Издательство РОУ, 1996), поставивший перед собой задачу "дать читателю общее, но довольно широкое представление о словарном богатстве, накопленном в словарях русского языка – этой сокровищнице народной мысли и житейской мудрости".

Читатель прежде всего проходит ступени истолкования важнейших в словарном деле терминов – *лексика, лексикология, семасиология, система лексики, активная и пассивная лексика*, а затем переходит к самим словарям: их свыше 300! Казалось бы, в таком словарном многообразии можно и заблудиться. Но И.Ф. Протченко искусно создает путеводитель из теоретических сведений, практических выводов и рекомендаций. Классификация словарей сохраняет в общих чертах исторически сложившуюся традицию, а само представление словарей создает запоминающуюся "галерею словарных портретов". При этом у каждого словаря свое место "на книжной полке", и читатель легко может сориентироваться в том, какой из словарей ему будет нужен в той или иной работе, чтобы заглянуть в историю своего языка, проследить формирование и развитие русского слова от древнего языка – основы (V–VI вв. нашей эры), языковой общности восточнославянских языков (русского, украинского, белорусского) до образования языка великорусской народности (около XIV в.) к современному русскому литературному языку.

Как это происходит? Перелистаем некоторые страницы предлагаемой книги. Возьмем, например, "активный и пассивный состав русской лексики". Активный фонд – это вся общеупотребительная лексика, а пассивный – это лексика, которая "мало употребляется в повседневном живом общении". В пассивном фонде скапливаются слова устаревшие, но в нем же и слова новые, новорождённые, еще не вошедшие в широкий обиход. И здесь автор делает весьма важное замечание: активный или пассивный словарь языка в целом надо отличать от пассивного (или активного) запаса слов отдельного человека.

Книга знакомит читателя с особенностями жизни языка. С одной стороны, устаревшие слова – историзмы и архаизмы. Их устарение

неодинаково. Историзмы выходят из употребления вместе с ушедшими вещами, разными реалиями: *редут, пицаль, княжеская дружина*... Но можно ли, хочется спросить автора, с уверенностью отнести к историзмам такой безнадежно устаревший термин родства как *братучадо*? Есть реалья и есть синонимическая замена: сын брата, племянник (подобно общепризнанным архаизмам *ланиты* – щеки, *чело* – лоб). Да и собственно историзмы в живом восприятии – тот же *редут, гусар, драгун* – легко синонимируются с родовыми, объединяющими наименованиями (род укреплений, служащие в разного рода войсках и т.п.). Иначе, как понять такие слова в исторических текстах, описаниях, в художественной литературе или в образном употреблении (*настоящий гусар!*)? Но как бы ни были спорны теоретические определения, этот уходящий (но все же живой) пласт лексики требует своего особого изучения, на чем и фиксирует внимание читателя автор предлагаемой книги.

С другой стороны, не менее обоснован и особый анализ новых слов. Если историзмы и архаизмы – это взгляд в историю языка, в пройденный этап языкового развития, то неологизмы – новые слова, только что родившиеся. В пассивном фонде оседают и новые слова – заимствования. Их новизна усилена чужим звучанием. Речь может идти не только о слове, но и о морфеме – части слова.

В "Кратком очерке" можно прочесть интересную историю суффикса *-ист*, вернее было бы сказать "жизнеописание суффикса *-ист*". Этот словообразовательный элемент вошел в русский язык еще во времена Петра I, но и в XVIII веке и в первой половине XIX века был еще чужим. К 1850 году был только один синоним к *гуслиар* – *гуслист*, и *гуслистка* (у В. Даля), да и то, возможно, как результат желания приравнять *гуслиара* к *пьянисту* (1847), *арфисту*, *арфистке* (1847), ср.: *гусли* – "лежащая арфа" у В. Даля. Но каким продуктивным стал суффикс *-ист* ко второй половине XIX века! Слово *декабрист* появилось не ранее 40-х годов XIX в. (словарная фиксация – 1895). Любопытно замечание в печати по поводу слова *маринист* – "по-русски говорят: морской живописец или живописец морских видов, а не маринист!" (Северная пчела. 1854. № 76. С. 319. См. об этом Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М. – Л.: "Наука", 1965 г. С. 259, 260).

Как обильны, и как совершенно по-русски звучат в наше время слова на *-ист*: *формалист, структуралист, лингвист, русист, или связист, очеркист*.

И.Ф. Протченко особо фиксирует внимание на том, что заимствованный суффикс *-ист* (как и другие: *-аж, -изм* и т.п.) формирует "русские слова с русскими основами". Выделив суффикс *-ист*, автор наглядно демонстрирует, «какими могут быть "темпы" такого процесса», обусловленные жизненными потребностями.

Жизнь новых слов и пути пополнения словаря автор "Краткого очерка" представляет непосредственно в рассказе о самих словарях неологизмов. Здесь представлены разные типы неологизмов: лексические (*космопорт, дизайнер*), семантические (*спутник* – в значении "искусственный спутник Земли"), окказиональные (индивидуально-стилистические: *громокипящий кубок у Ф. Тютчева*) и их источники (заимствования из других языков и своих диалектов, лексико-семантические новообразования).

В "Кратком очерке" уделено внимание словарям синонимов, антонимов, омонимов, паронимов – и все на той же продуктивной основе: слово – как функциональная единица в тексте, в нашей речи. Тем самым ставятся вопросы словарного богатства, выбора слова, стилистики и культуры речи. Эта же линия представления слова и словосочетания сохраняется и в рассказе о фразеологических словарях. Казалось бы, особый тип словарей – исторический (как и этимологический), но и здесь мы окунаемся в жизнь слов, прошлую и современную.

Словари двуязычные и многоязычные, лингвострановедческие помогают взаимопониманию, общению разных народов, а словари языка писателей и отдельных произведений дают возможность глубоко проникнуть в содержание художественного текста новым поколениям читателей, понять особенности ушедших эпох.

Словари терминологические, топонимические, антропонимические, словари названий жителей... – и каждый вносит свою долю в нашу языковую и общую культуру. На этом последнем свойстве словарей остановимся немного подробнее.

Комплексные академические словари – что является их особенностью? Обычно словари делят на энциклопедические (*энциклопедия* – греч. "в – кругу – обучения, просвещения") и лингвистические (или филологические). Чем отличаются эти словари друг от друга? И.Ф. Протченко не тратит много слов на пояснения, а предлагает для примера сравнить словарные статьи (в сокращении) для одного и того же слова *глаз* в энциклопедическом и лингвистическом словарях. Особенности налицо: в первом словаре – дано описание предмета, в данном случае органа зрения (его строение, функционирование у человека и животных); во втором – объясняется значение слова *глаз* (примеры его употребления в речи, фразеологические словосочетания, грамматические формы, стилистические пометы).

Комплексный тип словаря – смешанный, отличающийся от лингвистического (филологического) словаря своей терминологической направленностью. По существу, словари трудно разделить на чисто энциклопедические или лингвистические, так же, как трудно разорвать связь слова и вещи. Может быть, из всех лингвистических словарей такой связью особенно отличается "Толковый словарь живого великорусского

языка" Владимира Даля. Этот словарь – сокровищница нашей речи – тоже особый тип толкового словаря, но не академического: он не предписывает литературной нормы употребления слов. Это функция словарей академических.

С Вл. Далем связано еще одно важное лингвистическое явление, его отмечает И.Ф. Протченко: «Слово "толковый" в названии словаря первым употребил В.И. Даль, и все последующие словари подобного типа стали именоваться толковыми». Само слово *толковый*, заметим, очень интересно. *Толковый* идет от тюркского *тол* – "язык" к русскому *толмач* – *толк* – *толковать* и далее к немецкому *Dolmetscher* "переводчик", к английскому *to talk* "говорить, разговаривать". Какая связь языков и народов отразилась в корне этих слов!

"Краткий очерк" И.Ф. Протченко вмещает рассказы и о первых создателях толковых словарей (Памва Берында, Лаврентий Зизаний), и об авторах академических толковых словарей конца XVIII – начала XIX века (Тредиаковский, Ломоносов, Державин, Фонвизин и многие другие, добавим только Екатерину Романовну Дашкову, сподвижницу Екатерины II) и, конечно, о словарях более позднего времени, их авторах – Востокове, Дале, Срезневском, Гроте, Бодуэне де Куртене, Преображенском, Шахматове. Перед нами проходит целая галерея выдающихся лексикографов XX столетия: Чернышев, Ушаков, Щерба, Обнорский, Бархударов, Виноградов, Винокур, Евгеньева, Ожегов, Аванесов, Филин.

Книга И.Ф. Протченко заканчивается "Заданиями, упражнениями, вопросами", которые заставят читателя обдумать и закрепить в памяти прочитанное. Так что Краткий очерк о словарях русского языка – не только надежный путеводитель в мире лексикографии, но и добрый учитель.

А.А. Брагина,
доктор филологических наук